

Культ карго, или Новый объект экономической науки

Сергей СОЛОДОВНИКОВ,
доктор экономических
наук, профессор

Сегодня как никогда актуальна проблема самоидентификации белорусской экономической науки, выработка ее идеологической базы. Без однозначного ответа на вопрос о том, какая философия хозяйствования должна быть положена в основу тех или иных теоретических построений, во имя чего мы все работаем, нельзя теоретически обосновать белорусскую модель, не превратив экономическую науку в серьезное подспорье в определении направлений, форм и инструментов модернизации народного хозяйства.

В Беларуси по-прежнему сохраняется в некотором роде парадоксальная ситуация, когда большинство населения (это подтвердили и последние президентские выборы) выступает за социальное и экономически сильное государство, за преемственность проводимой социально-экономической политики, а социально-научное сообщество так до сих пор и не сумело внутри себя выработать единые методологические подходы к пониманию белорусской философии хозяйствования. Сразу же отмечу, что единые методологические подходы не означают унификации мышления. Единообразие во взглядах

пагубно сказывается на развитии любой науки. Вместе с тем без соблюдения общепринятых общенаучных принципов наука перестает быть наукой, а превращается в набор умозрительных суждений.

Белорусская экономическая наука быстро продвигается к выработке своей философии хозяйствования, но это движение зачастую затрудняется потерей частью наших экономистов навыков научного ремесла, их отказа от общепринятых правил цитирования, попытками упрощения предмета и объекта экономической теории. Толчком, или вернее – последней каплей, к написанию данной статьи послужили и некоторые публикации на экономическую тематику, претендующие на научность, но одновременно отличающиеся как безапелляционностью, так и бездоказательностью выводов, способом цитирования, иллюстрирующим афоризм польского философа Ежи Леца: «Он был настолько невежественен, что цитаты из классиков выдумывал сам».

В связи с этим хотел бы вначале обратиться к историческим событиям. Как известно, во время Второй мировой войны и сразу после нее на островах Тихого океана распространился культ карго. Для снабжения воюющей американской армии военно-транспортной авиацией туда было десантировано огромное количество грузов. Это внесло коренные изменения в жизнь островитян, поскольку промышленные товары (одежда, обувь, консервы, палатки, оружие и т.д.) тем или иным

ОБ АВТОРЕ

СОЛОДОВНИКОВ Сергей Юрьевич.

Родился в 1960 году в г. Пермь (Россия). Окончил Белорусский государственный институт народного хозяйства (1983).

С 1983 по 2012 год (с перерывом в 6 лет) работал в Институте экономики НАН Беларуси (до 1991 года – Институт экономики АН БССР), где прошел путь от старшего лаборанта до заведующего отделом и руководителя центра экономической теории. С 1991 по 1998 год – на руководящих должностях на различных предприятиях страны.

С 2012 года – заведующий кафедрой «Экономика и право» факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета.

Доктор экономических наук (2005), профессор (2015).

Автор более 350 научных работ, в том числе 25 монографий, пяти энциклопедий и энциклопедических словарей (в соавторстве).

Сфера научных интересов: развитие и управление субъектными экономическими структурами, формирование систем экономических интересов, государственное конфигурирование экономики, современной политэкономии, международные экономические отношения, промышленная политика, модернизация экономики.

путем массово попадали к туземцам. Когда в конце войны воздушные базы были заброшены, а груз (карго) больше не прибывал, туземцы не захотели мириться с резким снижением уровня и качества потребления, к которому к тому времени уже привыкли. Опираясь на собственные представления о происхождении материального богатства и жизненный опыт, островитяне начали предпринимать действия для того, чтобы привлечь самолеты и получить желанные товары. Каковы же были эти действия? Они построили в натуральную величину из дерева и травы взлетно-посадочные полосы, контрольно-диспетчерские вышки, разводили костры и прикладывали к ушам наушники из дерева, призывая «карго». Но божественные самолеты не прилетали и грузы с неба не падали. Тогда туземцы, проявив последовательность, полностью отказались от своих прежних религиозных воззрений, существовавших до войны, и стали более старательно поклоняться аэродромам и самолетам. Со временем распространение культа карго сократилось, но некоторые аборигены ждут божественных товаров и сегодня, продолжая поклоняться деревянным самолетам и посадочным полосам [1]. Смешно? Да не очень. Если заменить термин «карго» на «саморегулирующийся рынок», полуголого жреца – на либерально мыслящего интеллектуала-рыночника, а острова Тихого океана на постсоветское пространство 1990-х и 2000-х годов, то становится не до смеха. В первом случае приверженцы культа обычно не понимают в полной мере значимости производства или коммерции, и их представления о современном обществе, религии и экономике могут быть частичными и фрагментарными, во втором наблюдается то же самое упрощенное понимание процессов, происходящих в современной рыночной и пострыночной экономике.

Очень похожая ситуация просматривается сегодня и в экономической науке, когда некоторая часть научного сообщества убеждена: применение тех или иных теорий и практик, доказавших свою состоятельность 20, 30, 50 и более лет тому назад, позволит решить сегодняшние непростые проблемы. При этом не так уж важно, что именно предлагается взять за основу: кейнсианские механизмы преодоления эконо-

мического кризиса, ордолиберальную политику ФРГ или экономические реформы Г.К. Орджоникидзе и А.Н. Косыгина в СССР. Ведь все эти экономические инструменты были эффективны лишь в свое время, в уникальном цивилизационном и историческом контексте. Прошедшие десятилетия, а иногда и века, за счет аберрации дальности естественным образом упростили наше представление о реформах, превратив их из живого, постоянно меняющегося процесса в мертвую схему. В результате, как метко заметил в свое время А.А. Галич: «Сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения». А мировая и национальная экономика – это живые и очень быстро эволюционирующие системы.

Катастрофы реальные и виртуальные

В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления. Конечно, экономической науке не следует забегать вперед с поспешными прогнозами, как и отставать от требований времени, чтобы грядущие события не оказались неожиданными. Поэтому уже сегодня возникает насущная необходимость выявить и спрогнозировать процессы и явления, характеризующие современную экономику. Решение этой за-

дачи требует ревизии методологических основ исследования процессов хозяйствования. И начинать надо с уточнения объекта экономической науки.

Экономика в последние десятилетия претерпела небывалые изменения, которые радикальным образом изменили ее объект. Сегодня рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими их формами. В идеале, в зависимости от того, какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, та и преобладала.

Что же характерно для современного экономически развитого общества – постиндустриального, сверхиндустриального, информационного, пострыночного, посткапиталистического и т.д.?

Во-первых, изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации.

Во-вторых, переход роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг.

В-третьих, формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Разве не о таком разрыве французский социолог Ж. Бодрийяр в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [2, с. 40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном про-

странстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)» [2, с. 42].

В-четвертых, для современного экономически развитого общества характерно также возрастание роли общественно-функциональных инноваций. С расширением применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для манипулятора поведению посредством целенаправленной подачи информации в Интернете и традиционных СМИ, значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе. – С.С.), – пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, – по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения» [2, с. 22].

В-пятых, наше общество характеризуется значительным изменением роли и функций информации в хозяйственной жизни, увеличением значения знаний для развития экономики. С другой стороны – в современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически растапливающаяся в Интернете, переходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [2, с. 21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобное казни на электрическом стуле» [2, с. 49]. В данном случае говорится об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными

классами и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями, в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Под воздействием принципиально новых явлений в хозяйственной деятельности экономическая система общества радикально изменилась, невероятно усложнившись. Для современной экономической науки зачастую характерен недоучет влияния внешних, в том числе и неэкономических, факторов, которые могут кардинальным образом воздействовать (что и происходит в современном глобальном мире) на классическое протекание экономических циклов, быстро разрушая привычное течение хозяйственной жизни в обществе, изменяя объект экономической науки. Об этом свидетельствуют развернутые дискуссии у нас в стране и за рубежом об объекте, предмете, задачах и возможностях этой науки. Надо сказать, что среди экономистов в последние годы становятся нередкими предложения вообще отказаться от использования математических моделей при исследовании национальной экономики. Но у данной идеи пока много оппонентов. Так, например, противоположного мнения придерживается профессор Колумбийского университета М. Вудфорд. Ученый не считает, что на пути к более надежным экономическим рассуждениям следует отказаться от привычки экономистов использовать модель [3, с. 14]. На необходимость существенного повышения качества моделей, к слову, обращает внимание и американский исследователь Д. Кей: он считает, что экономисты сегодня слишком часто прибегают к некачественным [4].

Действительно, если исходить из некоторых экономико-математических моделей (в данном случае имеются в виду те расчеты, в основе которых лежат излишне упрощенные, а иногда и преднамеренно ложные вводные [5, с. 190–191]) или теоретических построений сторонников либерального направления экономической мысли, то можно сделать ложный вывод, будто снятие барьеров на допуск на внутренний рынок зарубежных инвестиций – всегда благо для экономики. На самом деле такое умозаключение в корне неверно и

даже вредно, так как для любой национальной экономики может иметь катастрофические последствия моментальное проникновение в нее глобальных, спекулятивных в своей основе, финансов. Ж. Бодрийяр был прав в том, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эти свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [2, с. 43].

Сегодня в Беларуси существуют и активно развиваются несколько научных экономических школ и направлений. Между ними ведется активная дискуссия, отражающая широкий спектр взглядов на экономические явления, объект и предмет экономической теории и частных экономических наук. Усилиями ученых отечественная наука не только не выпала из мирового информационного пространства, но и вносит заметный вклад в мировую науку. В качестве примера успешной реализации нового синергетического подхода в мировой экономике при рассмотрении процессов, происходящих в СНГ, можно привести работы В.Н. Шимова и Я.С. Яскевич. Профессор Я.С. Яскевич отмечает, что «Евразийский экономический союз можно рассматривать как своего рода альтернативу модели однополярного мира с ее установкой на мировое господство и гегемонию, «новый порядок веков», модель «мира по-американски». Культурно-исторические, социально-политические, экономические, этнорелигиозные отношения внутри страны являются важнейшими компонентами интеграционных процессов» [6, с. 9]. Нелинейная динамика многих глобальных процессов экономического и политического характера, функционирование мировых рынков капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы, товаров и услуг обуславливают необходимость более внимательного изучения сценариев развития геополитических интеграционных процессов и рисков, подчеркивает В.Н. Шимов. При этом необходима рациональная оценка национальной экономики, построение долговременной экономической стратегии страны с учетом трендов мировой хозяйственной системы [7].

О «самолетопоклонниках» в науке

Взгляды белорусских исследователей на современную экономическую науку, ее предмет и инструменты различны. Это проистекает из принадлежности к тому или иному научному направлению, а также из личного житейского опыта, мировоззрения и целей, которые преследует ученый.

В свое время Р. Фейнман в своей речи, произнесенной в Калифорнийском технологическом институте, заметил: как самолетопоклонники (сторонники культа карго. – С.С.) воссоздают облик аэродрома, вплоть до наушников с «антеннами» из бамбуковых палочек, но самолеты при этом не садятся, так и некоторые ученые часто проводят исследования, имеющие все внешние атрибуты настоящей науки, но в действительности составляющие псевдонауку. Неким околонучным экзерсисом является, на наш взгляд, статья кандидата экономических наук П.Н. Пекутько [8]. Если исходить из того, что специализация в науке – это исторически определенная качественная дифференциация научной деятельности, обусловленная ее функциями, то становится очевидной научная тавтология в самом названии статьи.

П.Н. Пекутько пишет: «Рассматривая белорусскую экономическую науку через призму субъектного состава, предметной исследовательской направленности или используемой методологии (выделено нами. – С.С.), на наш взгляд, можно вести речь о существовании в ней различных экономических школ» [8, с. 15]. Автором также дается определение научной школы «применительно к белорусской экономической науке» [8, с. 15], под которой понимается «исследовательская организация, обладающая достаточно многочисленным (не менее пятидесяти сотрудников) устойчивым научным коллективом, разрабатывающая собственную исследовательскую программу и сформировавшая стабильную систему внутреннего воспроизводства научного потенциала и передачи знаний» [8, с. 16]. Выходит, белорусская экономическая наука настолько специфична, что необходимо определять ее научные школы не так, как в других странах? Но почему? Ответы, к сожалению, автор в статье не приводит.

В то же время он вскользь отмечает, что избранный им «в работе подход к определению белорусских научных экономических школ не является единственно возможным» [8, с. 15], при этом ссылаясь на свою же работу в соавторстве с А.В. Марковым [9]. Отметим, что этот ученый в свое время выдвинул весьма спорную идею о переносе научных исследований за рубеж: «Весьма перспективным для страны, по нашему мнению, может стать экспорт (перенос) научных исследований (выделено нами. – С.С.) в экономические регионы мира, являющиеся наиболее продвинутыми в научном обеспечении (обосновании), направлений инновационного развития, относящихся к числу национальных научно-технических приоритетов» [10]. Очевидно, реализация такого подхода, идущего вразрез с глобальными цивилизационными тенденциями, на практике неизбежно приведет к исчезновению в Республике Беларусь многих научных традиций, сокращению экспортного потенциала отечественной науки, а в перспективе – к вытеснению к нам из других стран низкоинтеллектуального труда. Комментарий, как говорится, излишни. Внимательно прочитав статью П.Н. Пекутько, можно обнаружить и другие противоречия. На наш взгляд, своей статьей автор словно иллюстрирует идею Р. Фейнмана о «самолетопоклонниках» в науке.

Разнообразие теоретических взглядов и используемой методологии в целом полезно для любой науки. Не является исключением и экономическая. Но эта польза сохраняется лишь до тех пор, пока мы имеем дело с грамотными специалистами. Дж. Кейнс в свое время сказал: «Если мне докажут, что моя точка зрения не верна, я ее поменяю». По существу это императив поведения настоящего ученого. Нельзя быть правым во всем и всегда, как не всегда удастся без посторонней помощи разобраться в своих просчетах и ошибках. В этом плане нет ничего более полезного для добросовестного исследователя, чем замечания компетентных критиков. Исходя из этого и следует приветствовать науковедческие исследования, которые всегда выступали и будут выступать базой соотнесения различных научных школ и направлений. Конечно же, если они осуществлены на основе соблюдения общенаучных методов и в целях служения истине, а не личным амбициям.

Резервы для развития

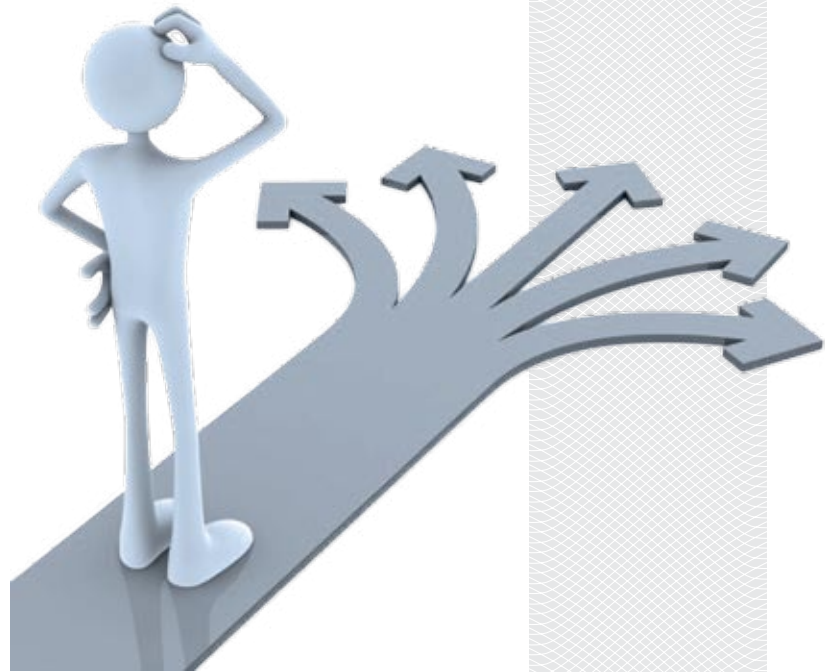
Преодоление кризиса экономической мысли и самой экономики, как справедливо отмечают белорусские экономисты П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина, поставило перед экономической наукой три группы задач:

- парадигмальное обновление;
- выбор типа хозяйственного порядка и модели экономики, к которой мы хотим прийти;
- разработка конкретных форм хозяйственной деятельности, соответствующих выбранному типу хозяйственного порядка [11, с. 34].

Определенный прогресс в решении этих задач существует. Но, как констатируют вышеупомянутые авторы, «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода» [11, с. 35].

Добавим, что снижение общетеоретического уровня национальной экономической науки всегда опасно, поскольку не только повышает риски принятия неправильных решений в практике хозяйствования на национальном и отраслевом уровнях, но и перестает выполнять важнейшую идеологическую функцию фундаментальной экономической науки (политической экономики). По моему глубокому убеждению, без выработки позитивной экономической идеологии, которая неразрывно связана с пониманием места Беларуси в мировой экономике, преимуществ нашей модели развития и социального характера хозяйственной деятельности, невозможно будет успешно противостоять информационным атакам извне, которые по мере распространения и совершенствования информационного оружия будут только усиливаться. Сегодня можно с уверенностью сказать: хочешь жить в мире и достатке – готовься к информационной войне.

Следует подчеркнуть, что гносеологический кризис в отечественной экономической науке по времени совпал с глобальным изменением ее объекта и расширением пострыночного хозяйственного уклада в развитых странах. На смену классической

рыночной, где предприниматель ориентировался на увеличение прибыли, быстро пришла экономика, где определяющим показателем становится капитализация активов (рост цены акций и других ценных бумаг), в результате ускоряется рост фиктивной экономики и происходит ее отрыв от экономики реальной. В свою очередь, капитализация активов во многом начинает зависеть от мнения различных рейтинговых агентств и экспертов, и уже нельзя понять, что первично в этой безудержной гонке: сама предшествующая капитализация (когда непрофессиональные участники рынка формируют спрос на ценные бумаги для самих себя), рейтинги и экспертные мнения или же все-таки реальная экономика? Как результат, перед белорусской наукой встает задача ответить на новые вызовы, когда мы еще не успели определиться с тем, как отвечать на все старые. Архисложная задача. Но, на наш взгляд, выполнимая. Для этого надо, чтобы в экономической науке стало недопустимым несоблюдение базовых общенаучных и политэкономических принципов.

Почему я с оптимизмом смотрю на будущее белорусской науки? Потому что у нас уже сегодня существует значительный научный задел, продолжают функциониро-

вать и развиваться многие научные школы и направления, появляются и набирают силу новые школы. В качестве примера могу привести известную в Беларуси и за ее пределами научную школу субъектно-цивилизационного подхода к исследованию экономических феноменов. Сегодня ее представители объединены не столько организационными рамками и не только конкретной тематикой, но и общей системой взглядов, идей и традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся в течение нескольких научных поколений. Основателем школы считается Г.Т. Ковалевский, который в 1950–1960-е годы провел фундаментальный анализ сущности стоимости и ренты. Работы этого ученого и разработки его учеников (Э.А. Лутохина, П.Г. Лютко и др.) послужили методологической основой становления в 1980-е годы под руководством Н.В. Герасимова научного направления, рассматривающего субъектов, их стремления, потребности, способности в качестве главной движущей силы экономического развития. Последнее позволило преодолеть рамки вульгарного экономизма при исследовании реальных социально-экономических процессов и

вести в качестве сфер экономической системы, наряду с материальным, духовное производство, производство человека и производство социально необходимого поведения субъектов. Была предложена конструктивно иная социальная парадигма экономики, опередившая свое время. До 1990-х годов школа развивалась преимущественно на базе Института экономики НАН Беларуси. Общность научных интересов современных представителей школы субъектно-системного подхода достигается широтой постановки исследовательских проблем при традиционном методологическом единстве, их актуальностью и соответствием мировым тенденциям развития экономической науки. Представителями этой школы являются А.П. Морозова, С.Ю. Солодовников, Л.П. Васюченко, А.Л. Подгайский, О.А. Наумович, Т.В. Кузьмицкая и многие другие.

Одним из важных дополнительных резервов, направлений развития белорусской экономической науки, сегодня может стать:

- проведение совместных научных исследований и разработок;
- инжиниринг;
- приобретение патентов, лицензий и приглашение зарубежных экспертов;
- персональный контакт белорусских ученых с зарубежными разработчиками на международных научных и научно-практических конференциях, семинарах, выставках, ярмарках, в Интернете. Отметим, что, при поддержке участия белорусских ученых в международных конференциях, необходимо применять дифференцированный подход, основанный на объективных и прозрачных критериях. Например, если у исследователя (за исключением молодежи до 30 лет) за последние три года менее 5 статей в рецензируемых научных журналах и одной монографии, то не следует тратить деньги на выезд его на зарубежные симпозиумы. При этом все статьи в обязательном порядке должны проверяться через систему антиплагиат.

Чтобы задействованные дополнительные резервы для поддержки развития белорусской экономической науки были экономически эффективны, необходимо также ввести регулярную (раз в 3 года) аттестацию экспертов с выдачей соответствующего сертификата. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Карго-культ [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%BE-%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82>. – Дата доступа: 07.10.2015.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – 5-е изд. – М.: Добросвет, 2014. – 260 с.
3. Вудфорд, М. Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю) / М. Вудфорд // Вопросы экономики. – 2012. – № 5.
4. WoodFord, M. What's Wrong With Economic Models? A Response to John Kay / M. WoodFord [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.xmarks.com/topic/ineteconomics.%20org%20/%20blog%20/%20inet/%20michael-%20woodford-response-john-kay>. – 2011. – Date of access: 20.08.2015.
5. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс. – М.: Претекст, 2007.
6. Яскевич, Я.С. Национальные интересы согласие и толерантность: Пространство Евразийской интеграции / Я.С. Яскевич // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2015. – № 1.
7. Шимов, В.Н. Экономика Беларуси: современное состояние и вектор перспективного развития / В.Н. Шимов // Социология. – 2014. – № 3. – С. 7–17.
8. Пекутько, П.Н. Экономическая наука Беларуси: тематическая направленность и функциональная специализация / П.Н. Пекутько // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2015. – № 1. – С. 15–21.
9. Марков, А.В., Пекутько, П.Н. Институт экономики Национальной академии наук / А.В. Марков, П.Н. Пекутько. – Минск: Белорусская наука, 2011.
10. Марков, А.В. Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А.В. Марков. – Минск, 2005. – 220 с.
11. Лемещенко, П.С., Лаврухина, И.А. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации / П.С. Лемещенко, И.А. Лаврухина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Экономика. – 2013. – № 1. – С. 31–40.